

Наполеондер

автор Александр

Валентинович Амфитеатров

Экспортировано из Викитеки 16 ноября 2024 г.

Давно, не давно. а деды наши запомнят, — захотел Господь Бог покарать людей за нечестие. И стал Он думать, как и чем их покарать, и держал о том совет со ангелы и архангелы.

Говорит Господу Богу архангел Михаил:

— Тряхони-ка их, Господи, трусом.

Отвечал Господь Бог:

— Это дело пробованное. Кое время мы Содом-Гоморру растрясли, а человеки от того умнее не стали: Содом-то Гоморра теперь, почитай, что по всем городам пошла.

Говорит Гавриил-архангел:

— А ежели глад?

Отвечал Господь Бог:

— Младенцев бессловесных жалостно, — за что младенцы погибать будут? Опять же и скотина кормов решиться должна, а ведь неповинная она, скотинка-то.

— Потопом их потопи! — Рафаил советует.

— Никак невозможно, — Господь Бог в ответ, — потому что, первым делом, сам я клялся людям, что потопа больше не будет, и радугу в уверение давал. А второе дело — грешник теперь, шельма, — хитрый пошёл: на пароход сядет, через потоп уплывёт.

Смутились тут архангелы, приуныли, стали думать — гадать, головы ломать, каким злом-бедою можно

грешный народ образумить и в совесть привести. Но, как, с испокон веку только на добро Господу Богу служивши, о всяком зле земном позабыли, то и ничего придумать не могли.

В эту самую минуту выходит вперёд Иван-ангел, из простых, нашего русского звания, которого Господь Бог приставил мужицкие души ведать. Преклоняется с учтивостью и докладает:

— Господи! Там вас Шайтан-чумичка спрашивает. В рай не дерзает, потому от него дух не хорош, — так в сенях дожидается.

Обрадовался Господь Бог:

— Позвать сюда Шайтана-чумичку. Этот плут мне весьма известный. Очень он сейчас ко времени. Кто-кто, а уж эта бестия придумает.

Вошёл Шайтан-чумичка: рожа чёрная, опойковая, — из-под полушубка хвост торчит, — голос сипкий.

— Коли прикажете, — сказывает, — я всю вашу беду — руками разведу.

— Разводи, братец, — оставлен не будешь.

— Дозвольте, — говорит, — чтобы нашествие иноплеменников.

Господь Бог ручкою на него махнул:

— Только-то от тебя и будет? А ещё умный!

— Позвольте, — Шайтан ему на супротив, — в чём же, однако, моё отсутствие ума?

— А в том, что советуешь наказывать людей войною, когда они только того и ищут, как бы подраться между собою, народ на народ, и за это-то самое я их теперь и казнить хочу.

— Это, — отвечает Шайтан-чумичка, — потому они войн ищут, что ещё настоящего воителя не видали, а — как пошлёте вы им настоящего воителя — они хвосты весьма поприжмут, — взмолятся к вам: помилуй и спаси от мужа кровей и Ареда.

Удивился Господь Бог.

— Как, — спрашивает — братец, не видали воителей? И Ирод-царь воевал, Александр-царь дивии народы покорял, и Иван-царь Казань разорил, и Мамай-царь неистовый с ордою приходил, и Петра-царь, и Аника-воин... какого ж им ещё воителя-богатыря нужно?

Шайтан-чумичка говорит:

— Нужен Наполеондер.

— Наполеондер? Откуда взял? Какой такой?

— А такой, говорит Шайтан, мужичонко — не то, чтобы больно мудрящий, только очень нравом лютой.

Господь Бог — к архангелу Гавриилу.

— Почитай в книгу живота: где у нас записан Наполеондер?

Читал-читал архангел, ничего не вычитал:

— Никакого Наполеондера в книге живота нету. Всё врёт Шайтан-чумичка. Нигде он у нас не записан.

А Шайтан-чумичка — в разрез:

— Ничего нет удивительного, что Наполеондер у вас в книге живота не записан. Потому в книгу живота тех пишут, которые от отца-матери родились и пупок имеют, а у Наполеондера ни отца, ни матери не было, и пупка у него нет. Так что это довольно даже удивительно, и можно показывать его за деньги.

Очень изумился Господь Бог:

— Как же он, твой Наполеондер, в таком разе, на свет произошёл?

Шайтан отвечает:

— А так и произошёл, что свил я его, себе на забаву куклюю из песку морского. А ты, Господи, в те поры личико своё святое умывал, да не остерёгся, водицею брызнул, — прямо с небеси Наполеондеру в мурло попал: он оттого и стал человек и ожил^[1]. И обитает он теперича ни близко, ни далеко — на Буян-острову, посередь окиян-моря. Земли на том острову верста без сажени, и живёт по ней Наполеондер, морских гусей сторожит. За гусями ходит, а сам не ест, не пьёт, не спит, не курит — одно в мыслях держит, как бы ему весь свет покорить.

Подумал Господь Бог, приказал:

— Веди его ко мне.

Доставил Шайтан Наполеондера в рай. Посмотрел на него Господь Бог: видит, — человек военный, со светлюю

пуговицей.

— Слышал я, — спрашивает, — что ты, Наполеондер, весь свет завоевать хочешь?

Наполеондер отвечает:

— Точно так. Очень как хочу.

— А думал ли ты, Наполеондер, о том, что, когда воевать будешь, то много народа побьёшь, реки крови прольёшь?

— Это, — говорит Наполеондер, — мне, Господи, всё единственно. Потому — мне главное дело, чтобы весь свет покорить.

— И не жаль тебе, Наполеондер, будет убитых, раненых, сожжённых, разорённых, голодающих?

— Никак нет, — говорит Наполеондер, — чего жаль? Я это не люблю, чтобы жалеть. Как себя помню, никого не жалел и вперёд не стану.

Обернулся тогда Господь ко ангелам и сказал:

— Господа ангелы! Парень этот к делу весьма подходящий.

А — к Наполеондеру:

— Прав был Шайтан-чумичка: достоин ты быть казнью гнева моего. Потому что воитель безжалостный хуже труса, глада, мора и потопа. Ступай на землю, Наполеондер, — отдаю тебе весь свет, тобою весь свет наказую.

Наполеондер говорит:

— Мне бы только войско да счастье, а уж я рад стараться.

А Господь и положил на него заклятие:

— Будет тебе и войско, будет и счастье, — непобедим ты будешь в боях. Но — память: покуда ты безжалостен и лют сердцем, — до тех пор тебе и победы. А, как только возжалеешь ты крови человеческой, своих ли, чужих ли, тут тебе и предел положен. Сейчас тебя враги твои одолеют, полонят, в кандалы забьют и пошлют тебя, Наполеондера, назад на Буян-остров гусей пасти. Понял?

— Так точно, — говорит Наполеондер. — Понял. Слушаю. Не буду жалеть.

Стали спрашивать Бога ангелы и архангелы:

— Господи для чего ты Наполеондеру такое страшное заклятие положил? Ведь этак-то, не жалеючи, он всех людей на земле переколотит, не оставит и на семена.

— Молчите — отвечал Господь — не долго навоюет. Храбер больно: ни людей не боится, ни себя самого. Думает от жалости уберечься, а не знает того, что жалость в сердце человеческом всего сильнее, и нет человека, который бы её в себе хоть крошечку не имел.

Архангелы говорят:

— Да ведь он песочный.

А Господь им наперекорку:

— А, что он от живой воды моей дух получил, это вы ни во что почитаете?

Набрал Наполеондер несметное войско, дванадесять язык, и пошёл воевать. Немца повоевал, турку повоевал, шведа, поляка, — так и косит: где ни пройдёт, — гладко. И уговор помнит крепко: жалости — ни к кому. Головы рубит, сёла жжёт, баб насилует, младенцев копытами коней топчет. Разорил-погубил все басурманские царства, — всё не сыт: пошёл на крещёный край, на святую Русь.

На Руси тогда был царь Александр Благословенный, что тепер в Петербурге-городе на Александровской колонне стоит и крестом благословляет, — оттого Благословенный и имя ему. Как напёр на него Наполеондер с дванадесять язык, увидал Благословенный, что всей Рассее конец приходит, и стал спрашивать своих генералов-фельдмаршалов:

— Господа генералы-фельдмаршалы! Что я с Наполеондером могу возражать? Потому что он несносно напирает.

Генералы-фельдмаршалы отвечают:

— Ничего мы, ваше величество, с Наполеондером возражать не можем, потому что ему от Бога дано слово.

— Какое слово?

— А такое: Бонапартий.

— Почему же оно слово, господа генералы-фельдмаршалы, столь ужасно, и что оно обозначает?

— Ужасно оно тем, что — как, скажем, видит он в сражении, что неприятель очень храбрый и его сила не

берёт, и всё евоное воинство костьюми ложится — сейчас он этим самым словом — Бонапартием — себя и проклянёт. А, едва проклянёт, тотчас все солдатики, которые когда ему служили и живот свой на полях брани за него оставили, приходят с того света. И ведёт он их на неприятеля снова, как живых, и никто не в силах устоять пред ними: потому что — рать волшебная, нездешняя. Означает же слово Бонапартий — шестьсот шестьдесят шесть, число звериное.

Опечалился Александр Благословенный. Однако, подумавши сказал:

— Господа генералы-фельдмаршалы! Мы, русские, народ чрезвычайно какой храбрый. Со всеми мы народами воевали — ни супротив кого себя в грязь лицом не ударили. Коли привёл теперь Бог с упокойниками воевать, — Его святая воля: постоим и супротив упокойников.

И повёл он войско-армию на Куликово поле и стал ждать злодея Наполеондера. А Наполеондер-злодей шлёт ему посла с бумагою:

— Покорись, Александр Благословенный, я тебя за то, не в пример прочим, пожалую!

Но Александр Благословенный, как был государь гордый и амбицию свою соблюдал, с послом Наполеондеровым говорить не стал, а взял тоё самую бумагу, что посол привёз, нарисовал на ней кукиш, да Наполеондеру в отместку и отослал.

— Этого не хочешь ли?

И дрались они, рубились на Куликовом поле и, долго ли, коротко ли, начали наши Наполеондера одолевать. Поприрубили, попристреляли всех его генералов-фельдмаршалов, на самого насаждают:

— Конец тебе, изверг Наполеондер! Сдавайся! — кричат.

А он, Наполеондер, на коне, как сыч, сидит, буркалами ворочает, да ухмыляется:

— Погоди, говорит, не торопись. Скоро сказка сказывается, дело творится мешкотно.

И крикнул своё вещее слово:

— Бонапартий! Шестьсот шестьдесят шесть, число звериное!

Потряслась земля, загудело славное Куликово поле. Глянули наши, да — все и руки врозь: со всех-то краёв поля — грозные полки идут, штыки на солнце горят, — знамёна рваные над шапками страшными, мохнатыми треплются, — идут, трах-тах, трах-тах, шаг отбивают, — молча идут, а рожи у всех, как пупавка, жёлтые, а глаз-то подо лбом и в помине нет...

Ужаснулся Александр, Благословенный царь. Ужаснулись его генералы-фельдмаршалы. Ужаснулась вся российская сила-армия. И дрогнули они, не выдержали покойницкой силы, пустились бежать, куда глаза глядят. А вор Наполеондер, на коню сидя, за бока держится, хохочет-заливается:

— Что, кричит, не по зубам вам мои старички пришлись? То-то! Это не с мальчишками в бабки играть. Ну-ка, господа честные упокойнички! Я никогда никого не жалел, так и вы врагов моих не жалейте; задайте им по-свойскому.

Покойники говорят:

— Покуда так, мы твои слуги до вечные.

Бежали наши с Куликова поля на Полтав-поле, с Полтав-поля на славный тихий Дон, с тихого Дона на Бородино-поле, под самое Москву-матушку. И — как до какого поля добегут — сейчас к Наполеондеру лицом обернутся и идут на него в рукопашь. Так что сам Наполеондер, на что злодей, очень ими восхищался.

— Помилуй Бог, какой храбрый русский солдат. В чужих краях я таких не видывал.

Но при всей большой нашей храбрости, никак мы с Наполеондером возражать не могли, — потому, на слово его слова не знали. Во всех сражениях бьём его, гоним, вот-вот на аркан зацепим, в полон возьмём, — ан тут-то он, плут-идол беспупый, и спохватится. Крикнет-гикнет Бонапартия: упокойнички и лезут из могилки во всей амуниции, зубом скрипят, начальство взором едят — где прошли, трава не растёт, камень лопаётся. И так наши напугались этой силы нечистой, что уже и воевать с нею не могли. Как только слышат проклятого Бонапартия, как завидят мохнатые шапки, да жёлтые рожи, все ружья побросают, бегут в леса прятаться.

— Как хошь, — говорят, — Александр Благословенный, а под упокойника мы не согласны.

Александр же Благословенный плакался:

— Братцы, повременим бежать! Понатужимся ещё чуточку. Не всё же ему, собаке, над нами куражиться. Положен же ему последний предел от Господа. Ноне его, завтра его, а там, даст Бог, и наша авоська вывезет.

И поехал он ко старцам-схимникам, в пещеры киевские, на острова валаамские — митрополитам-архимандритам в ножки кланялся:

— Молитесь, святые отцы, чтобы престал на нас гнев Господень, потому что нету нашей силы-мочи отстоять вас от Наполеондера.

И молились старцы-схимники, митрополиты-архимандриты со слезами и коленопреклонением, так что на лобиках синяки набили, а на коленках мозоли вырастили. И молился со слезами весь народ русский, от Царя до последнего нищего. И заступницу Скорбящих, Божию Мать Смоленскую, во слезах, подняли и понесли на славное Бородино поле, и вопили:

— Пресвятая Богородица! Ты еси упование и живот! Заступи и скоро помилуй!

И у самой свет-Пресвятой Богородицы из-под серебряной ризы, из-под жемчужного подниза, по тёмному лику — слёзы закапали. Весь народ Божий, вся сила-армия видела, как святая икона плакала, — и ужасно это было всем, и умильно.

Внял Господь Бог русскому воплю и молитве пресвятой Богородицы, Смоленския Божия матери, и вскричал ко ангелам и архангелам:

— Миновал час гнева моего. Довольно претерпели человеки за грехи свои и все в сквернах своих предо Мною покаялись. Довольно Наполеондери народ губить, — пора узнать и милосердие. Кто из вас, слуги мои, на землю сойдёт, кто примет труд велик — умягчит сердце воительское?

Вызвался Иван-ангел:

— Я пойду.

А Наполеондер, на ту пору, большую победу одержал. едет он по бранному полю на борзом коне, копытами конскими мертвецов давит, — и никого-то ему не жаль, одну думу в голове держит:

— С Рассеей порешу, на китайского царя и бел-арапа пойду, — тогда уж, как есть, до остатка весь свет покорю!

Только слышит он, вдруг, зовёт его некто:

— Наполеондер, а, Наполеондер!

Оглянулся Наполеондер: ан, по близости, на пригорке, под кусточком, русский солдатик лежит — раненый — и рукою ему машет. Удивился Наполеондер: что русскому солдату от него надобно. Поворотил коня, подъехал.

— Чего тебе?

— Ничего мне, — солдатик отвечает, — от тебя не надобно, только одно слово спросить. Скажи мне, пожалуйста: за что ты меня убил?

Ещё больше удивился Наполеондер: сколько лет он воевал, сколько людей убил-ранил, а никто его никогда ни о чём таком не спрашивал. А и солдатик-то не мудрый: молоденький, белобрысенький, — видать, что новобранчик, из деревни, от сошки взят.

— Как за что, братец? — говорит Наполеондер. — Не мог я тебя не убить. Присяга твоя такая, чтобы убиту быть.

— Я, Наполеондер. присягу знаю и убиту быть не супротивничаю. Но *ты-то* за что меня убил?

— Как же мне тебя не убить, коли ты мне неприятель — сиречь, враг: воевать со мною на Бородино-поле вышел.

— Окрестись, Наполеондер, какой я могу быть тебе враг? Никаких промеж нас с тобой спора-ссоры никогда не было. Покуда ты в нашу землю не пришёл, да в солдаты меня не забрили, — я о тебе и, отродясь, и не слыхивал. А ты меня, что я есмь за человек, и по сей час не знаешь. И всё-таки ты меня убил. И сколько других таких же убил.

— Убил, — говорит Наполеондер, — потому что мне надо весь свет покорить.

— А мне-то что до того, что надо тебе свет покорить? Покоряй, коли охота есть, — я в том тебе не

препятствую. Но меня-то за что ты убил? Нешто от того, что ты меня убил, свету тебе прибавилось? Нешто он мой, свет-то? А ты меня убил! Нерассудительный ты, Наполеондер, братец. И неужели думаешь ты, чрез то, что народ бьёшь и увечишь, в самом деле, свет покорить.

— Очень даже думаю.

Улыбнулся солдатик.

— Совсем ты глупый, Наполеондер. Жаль мне тебя. Разве весь свет покорить можно?

— Все царства завоюю, все народы в цепи закую, один на всей земле царём буду.

Покачал головою солдатик.

— А Бога завоюешь?

Смутился Наполеондер:

— Нет, Божья воля над всеми нами, все мы в Божьей деснице живём.

— Так что же и пользы тебе весь свет завоевать? Всё он, значит, не твой будет, а Божий. И, куда Бог тебя терпит, потуда только ты и цел.

— Это я и без тебя знаю.

— А коли знаешь, зачем же ты с Богом не считаешься? Разве дозволил Он человеку неповинную кровь лить? За что ты меня убил?

Нахмурился Наполеондер.

— Ты, брат, мне этих слов не говори. Я таких ханжей слыхивал. Напрасно. Не проведёшь. Я жалеть не умею.

— Ой ли? — спрашивает солдат. — Смотри: много ты форсу на себя напускаешь. Без жалости человеку, — врёшь: прожить нельзя! Что жалость, что душа, — всё едино. Душа-то есть у тебя аль нету?

— Известно, есть. Нельзя без души.

— Ну, вот видишь: душу имеешь, в Бога веришь, — как же тебе жалости не узнать? Узнаешь. И я так даже думаю, что вот и сейчас ты стоишь надо мною — только вида показать не хочешь, а, про себя, в душе, смерть как меня жалеешь: за что ты меня убил?

Рассвирепел Наполеондер:

— А, такой сякой, типун тебе па язык! Вот я тебе покажу, как тебя жалею.

Вынул пистолет и прострелил раненому голову. Обернулся к своим упокойникам, говорит:

— Видели?

— Видели. Покуда так, мы твои слуги довечные.

Поехал Наполеондер дальше по бранному полю...

Ночь прошла — сидит Наполеондер в шатре золочёном, один-одинёшенек, и больно ему не по себе. И — что ему сердце грызёт — сам понять не может. Который год воюет, а — впервой это дело: никогда такой жути на душе не было. А на завтра утром — бой ему

начинать, последний, самый страшный бой с Александром, Благословенным царём, на Бородине-поле.

— Эх, думает Наполеондер, — покажу я себя завтра, каков я есть молодец. Православную силу армию кое копьём приколю, кое конём стопчу, Александра-царя в полон возьму, весь русский люд убью-расшибу.

Но на ухо ему — кто-то опять будто:

— А за что?

Потряс головою Наполеондер:

— Знаю, чья штука. Опять солдат давешний. Ладно! Не поддамся ему. За что? За что? Эка — пристал. Почём я знаю, за что? Кабы знал, за что, — так может быть, и не воевал бы.

В постелю лёг. Едва заведёт глаза под лоб, — стоит перед Наполеондером вчерашний солдат. Молоденький, кволенький, волосы русые, а усы ещё не выросли, — только белым пухом губа обозначилась. Лоб бледный, губы синие, — глаза голубые меркнут... а на виске дырка чёрная, куда евоная — Наполеондера — пуля прошла...

— За что ты меня убил?

Ворочался ворочался в постели Наполеондер. Видит: плохо дело, — нет, не избыть ему солдата. И сам на себя дивуется:

— Что за оказия? Сколько миллионов всякого войска перебил, — всегда в мыслях свободен был, — тут вдруг

один какой-то паршивый солдат, а какую мне завязку в голове делает.

Встал, — и нестерпимо ему в золочёном шатре. Вышел на вольный воздух, сел на коня и поехал к тому пригорку, где он досадного солдата из собственных рук пристрелил.

— Слыхал я, — думает Наполеондер, — что — коли мертвец мерещится — надо ему засыпать глаза землёю: тогда отстанет.

Едет. Месяц светит. Тела мёртвые грудями лежат. Синий свет по ним бродит. едет Наполеондер, тлен смотрит тлен нюхает.

— Всё это — я побил!

И — дивно! кажется ему, будто все они, побитые, на одно лицо — русые да безусые, молодые, голубоглазые — и смотрят все на него жалостно и ласково, как тот солдат смотрел, и шевелят бескровными губами и лепечут укор беззлобный:

— За что?

Стеснилось у Наполеондера воительское сердце. Не имел он духа доехать до пригорка, где тот солдат лежал, повернул коня, поехал к шатру... И — что ни покойник на пути — снова слышит он:

— За что?

И уж не стало у него азарта-прыти, как прежде, пускать коня — скакать по мёртвым ратникам, но

объезжал он каждого упокойника, на поле брани живот свой честно положившего, с доброю учтивостью, а — на иного взглянет, да ещё и перекрестится:

— Эх-мол, этому жить бы да жить... Молодец-то какой бравый! И дрался храбро — богатыри драться русские. А я его убил. За что?..

И сам не заметил воитель Наполеондер, как растопилось и умилилось его сердце, и возжалел он убитых врагов — а, вместе с тем, заклятье его отошло от него, и стал он такой же, как все люди.

А на завтра бой.

Выехал Наполеондер на Бородино-поле к ратям своим, туча-тучею — все семьдесят сестёр лихорадок его треплют. Посмотрели на него генералы-фельдмаршалы, — ужаснулись:

— Ты бы, Наполеондер, водки что ли выпил. На тебе лица нет.

Как двинулись русские на Бородине-поле супротив Наполеондеровой орды, она — сразу и врассыпную пошла. Стали генералы-фельдмаршалы Наполеондеру советовать:

— Плохо дело, Наполеондер: больно сердито бьются сегодня русские. Говори своё слово. Зови упокойников.

Начал Наполеондер кричать Бонапартия, шестьдесят шесть, число звериное. Однако — сколько ни кричил, только галок вспугал, а упокойники на зов не пришли — не откликнулись. И остался Наполеондер посередь

Бородин-поля — как перст — один, потому что все генералы-фельдмаршалы бежали от него, как от чумового. И сидел он на коне один, и орал один, а, покуда орал, — откуда ни возмись, встал пред ним вчерашний убитый солдат...

— Не надсажай себя, Наполеондер: никто не придёт. Потому что возжалел ты вчера меня и побитых братьев моих, — и, за жалость твою, не послушают тебя упокойники: вся твоя сила над ними отошла от тебя.

Заплакал тогда Наполеондер:

— Погубил ты меня, солдатище несчастный!

Но солдатик — а был это не солдатик, но Иван-ангел — отвечал:

— Не погубил я тебя, но спас. Потому что — если бы продолжал ты свой путь беспощадный, безжалостный, — не было бы тебе прощения ни в сей жизни, ни в будущей. Теперь же Господь даёт тебе срок покаяния: на сём свете тебя казнит, но на том — коли грехи замолишь — помилует.

И стал невидим.

А на Наполеондера наскочили наши донские казачки, сняли его с коня, отвели к Александру Благословенному. Кто говорит: Наполеондера убить-расстрелять; кто говорит: Наполеондера в Сибирь сослать. Но Александру Благословенному укротил Господь сердце милостью. Не позволил он Наполеондера убить-расстрелять, не позволил в Сибирь сослать, а велел посадить его в

железную клетку и возить-показывать по ярмаркам. И возили Наполеондера по ярмаркам тридцать лет и три года, покуда не состарелся. А, как состарелся, отослали его на Буян-остров — гусей пасти.

Примечания

1. [↑](#)Таков миф о сотворении человека у чувашей, черемисов, мордвы и всех обруселых поволжских и заволжских инородцев.

Об этом электронном издании

Эта книга из [Викитеки](#)^[1] — цифровой библиотеки, созданной добровольцами и включающей издания всех типов: прозы, стихов, журналов, писем...

Книги библиотеки доступны бесплатно. В библиотеку включаются издания, находящиеся в народном достоянии, а также опубликованные со свободной лицензией. Вы вправе использовать эту электронную книгу в любых целях (включая коммерческую) при условии соблюдения лицензии [CC BY-SA 4.0](#)^[2] или [GNU FDL](#)^[3] на ваш выбор.

Викитека приветствует новых участников. При создании этой книги мы могли сделать ошибки. Вы можете сообщить о них на [этой странице](#)^[4].

Следующие участники внесли вклад в редакцию этой книги:

- EugeneZelenko
- АлександрЛаптев

-
1. [↑ http://wikisource.org](http://wikisource.org)
 2. [↑ http://www.creativecommons.org/licenses/by-sa/3.0](http://www.creativecommons.org/licenses/by-sa/3.0)
 3. [↑ http://www.gnu.org/copyleft/fdl.html](http://www.gnu.org/copyleft/fdl.html)
 4. [↑ https://ru.wikisource.org/wiki/Викитека:Форум](https://ru.wikisource.org/wiki/Викитека:Форум)